

Владимир НУЗОВ

— Аксенов — не псевдоним ли?

— Это не псевдоним, потому что фамилия моего отца — Аксенов. Но я столь же русский, сколь и еврей: моя мама — писательница Евгения Гинзбург. В ЦК КПСС меня называли, особенно когда наши отношения, мягко говоря, стали не очень хорошими, не иначе как Гинзбург. Опять, мол, этот Гинзбург чудит. И распускали слухи, что Аксенов — этой мой псевдоним. Чтобы их не разочаровывать, я даже хотел, обосновавшись на Западе, взять себе двойную фамилию: Аксенов-Гинзбург. Есть такой священник Аксенов-Меерсон. А потом подумал: с какой стати я из-за какой-то сволочи (т. е. ЦК КПСС — Авт.) буду менять фамилию? Все и так знают, что моя мама — Евгения Гинзбург, а папа — Павел Васильевич Аксенов из Рязанской губернии. Года три назад я, Володя Войнович и еще несколько писателей выступали в филармонии в Самаре. Так там перед зданием стояли патриоты с плакатами: «Грязный Чонкин, убираясь домой!», «Долой «Затворенную бочкотару!». Мы вышли к пикетчикам, я спросил: «Что это вы так зверите, ребята?». А они мне: «Вы же не русский писатель, Аксенов! И фамилия у вас не русская!». «Да нет, — отвечая, — я писатель русский, хотя мама моя — еврейка. А отец из Рязанской губернии, больше русский, чем вы все вместе взяты». Эти ребята были такого немножко татарского вида.

Несколько следующих вопросов о прототипах героев только что прочитанной пьесы и опубликованного не сколько лет назад романа «Московская сага» показали, что аудитория знакома с творчеством Василия Аксенова не понаслышке. Если прототипами действующих лиц пьесы являются литературные героя (например, Феймус это современный грибоедовский Фамусов), то герой романа — едва ли не реальные современники писателя: певица Нина Дорда, династия хирургов Вишневских, маршал Рокоссовский и генерал армии Черняховский (маршал Градов в романе)... Конечно, поясняет писатель, он лишь отталкивается от подлинных людей.

— Изменилось ли ваше представление об Америке после «В поисках грустного Эбби»? (роман — странствие по Америке. В путешественнике легко угадывается Василий Аксенов. — Авт.).

— Очень сильно изменилось, особенно после попытки республиканцев отстранить президента от власти. Когда мы приехали сюда, то поддерживали республиканцев, поскольку они противостояли «империи зла». По существу в эту Америку отвергла потрясающее лицемерие республиканцев...

Аксенов давно живет в Америке, преподает в университете Джорджа Майсона в Вирджинии. Какой язык доминирует в его жизни? В. П. говорит, что напоминает себе Набокова, который когда-то написал, что голова у него говорит по-английски, сердце чувствует по-русски, а ухо ловит по-французски.

— Я преподаю в университете, то есть с утра до вечера говорю по-английски, иногда ловлю себя на том, что и думаю по-английски. Тем не менее мне нужно сохранять свой русский язык, поэтому я вынужден два раза в году отрываться от своих близких и проводить месяца по два в России. Много путешествую (в минувшем году проехал на пароходе по Волге до Астрахани и обратно) и вам рекомендую купить билет на пароход, увидеть маленькие провинциальные городки, прикоснуться к их жизни.

Писатель мечтает выйти на пенсию и писать, а не сеять разумное, добре-

го. Центральная библиотека Бруклина напоминает бывшую Ленинскую, теперь Российскую государственную библиотеку: солидная архитектура, гулкий простор внутренних помещений. Для встречи читателей с Василием Аксеновым устроили выделенный огромный вестибюль первого этажа: установили полтыщи стульев, несколько динамиков позволило слышать каждое слово в любом конце симпровизированной аудитории. Встречу с нью-йоркцами живущий в Вашингтоне Василий Павлович начал с пересказа сложного сюжета нового романа, который мы повторять не будем. Это даже не роман, а такой синтетический жанр — роман и три пьесы, и читать все это можно в любом порядке. А можно не читать. Потом пошли ответы на записи. Надо сказать, что Аксенов — мастер импровизации, говоря шахматным языком — блицер, то есть хорошо играет быстрые (короткие) партии.

Россия

имеет обыкновение устаканиваться

Веч. Москва. — 1999 — 5 апр. — с. 4

Гинзбург опять чудит: гуляет по штату Вирджиния с собакой по имени Пушкин Васильевич Аксенов

вечное. А сеять как раз вздорное, бесмысленное и жестокое (присутствующие поняли иронию писателя). Кстати говоря, В. П. уже после встречи в частной беседе отметил высокую квалификацию аудитории и ее выгодное отличие от аудитории Центрального Дома литераторов в Москве, где в январе состоялся его творческий вечер. Порадовало писателя и присутствие на встрече в Бруклине большого числа молодых людей.

Несколько раз писатель возвращался к теме России, что, согласитесь, естественно.

— В стране заметно сокращается европейский элемент. Любая огромная империя, как говорит нам история цивилизации, выращивает в себе зерно распада. Так произошло и с Римской, и с Британской, и с Российской империями. Граф Витте в 1909 году написал государю: «Ваше Величество, мыслим велики, мы очень растянулись и можем лопнуть. Нам надо сокращаться». Россия расширялась на 64 квадратных версты ежедневно в течение столетия. Британия распространялась за морями, Америка неслыханно развернулась в другом измерении — экономическом, и здесь заложена серьезная бомба. Кроме того, возможны и этнические взрывы, но я надеюсь, что ничего плохого не

произойдет... Вообще все в мире взаимосвязано, переплетено, мы все больше и больше живем в какой-то мировой коммуне, завязываемся все круче и круче, а ультрапатриоты России рассуждают так, будто они с какой-то отдельной планеты, где никто рядом не живет, где нет никаких влияний через границы. Я уехал из Москвы прошлым летом накануне кризиса. Тогда возникло ощущение, что ты в какой-то процветающей западной столице: все зарято светом, сверкающая, ошеломляющая реклама. Никогда не думал, что увижу Москву в таком виде. Вспоминали нэп, но она ведь совершенно не сравнима с тем, что произошло за два-три последних года. И сейчас, когда я в январе вернулся в Москву, я ожидал увидеть гораздо худшее. На первый взгляд, ничего особенного не происходит: ты въезжаешь в сверкающий город, все в огнях, потоки машин, никакого кризиса как будто бы не существует. У меня обычно не бывает времени для социологических исследований, я просто отправляюсь в ближайшую булочную (Василий Павлович живет в высотном доме на Котельнической набережной. — Авт.) и по ней делаю некие обобщения. Масса сортов свежего хлеба, тут же колбасы, разные напитки — все, что было летом, ничего не убавилось, даже прибавилось — от-

дел тортов. Не менее пятнадцати тортов разных видов и размеров. И это не показуха — они раскупаются. Я был сейчас в Москве как член жюри премии «Триумф». Премии эти довольно щедрые: пять человек получают по 50 тысяч долларов. Это, согласитесь, приличная сумма, и в этом году, несмотря на кризис, все удостоенные премии деньги получили... А потом начались бесконечные спектакли, «зимняя карусель». Безумное оживление театральной жизни, толпы перед входом, залы заполнены, спрашивают лишние билетики. А кризис-то ведь идет, и он будет еще углубляться. Мой сын, например, безработный, живет на мою карточку «Америкэн экспресс». И в Москве люди как-то живут, особенно те, у кого есть доллары. Странным образом не подорожало такси. Но главное вот что: нет паники и нет расслабляющего мрака, который возник сразу после кризиса. У России есть такая особенность: что бы ни натворили правящие круги, все постепенно «устаканивается». Все друг на друга смотрят немножко хитренько, потихоньку призывают к кризису: ничего, мол, ничего, ничего... Но я убежден, что реванш коммунистов настанет, что он где-то совсем рядом, что это не что иное, как большой масштабный заговор. Коммунисты действуют уверенно, они ничего

не боятся. Держатся со странной, невероятной уверенностью. Если коммунисты придут к власти, произойдет катастрофа посильнее финансовой, это приведет к гражданской войне, к распаду России на удельные княжества.

Записка: Хотелось бы знать, где в Штатах вы чувствуете себя, как дома — улица, город, штат. И подпись: Елена.

Ответ В. П.: Девушка спрашивала мой адрес, правильно? Подойдите, пожалуйста, после встречи, я вам его дам (смеется). Мы с женой Майей и собакой Пушкин живем в пригороде Вашингтона. Рядом лес, в котором олени гуляют, я в нем по утрам бегаю с собакой. Пушкин — это не кличка, нет. Полное имя моей собаки Пушкин Васильевич Аксенов.

— Могли бы вы прожить в Америке только литературным трудом?

— Сакральный вопрос. Я помню, Лимонов хвалился, когда жил в Америке лет десять назад: «Они все тут заходились учительами, бизнесменами, а я живу на гонорары». Он, правда, не уточнил, сколько у него человек на иждивении. Яюсь, что ни одного не было, скорее, он сам у кого-то был на иждивении. А мне приходится поддерживать своих близких, поэтому я и профессорствую в университете. Один я, конечно, мог бы жить и литературным трудом.

— В России нет цензуры, но нет и новых крупных литературных имен...

— Кое-что все-таки есть... Чтобы знать, как идет литературная жизнь, надо следить за толстыми журналами. Толстые журналы — уникальный российский институт, какого нет ни в Америке, ни в любой другой стране. Они,

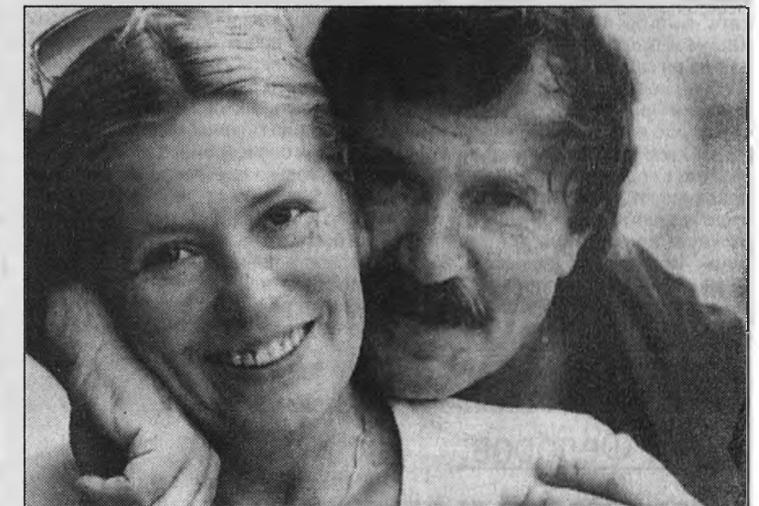
молодые люди располагают не только колоссальным объемом знаний, но и пониманием мирового литературного процесса. Что касается прозы, то она, конечно, задавлена колоссальным потоком макулатуры детективного свойства, приключенческого и так далее. Эти жанры раньше появились в Америке, я бы назвал их жанрами дермы. Но я думаю, что идущее следом поколение писателей, те, кому сейчас 20—26, дадут очень серьезные плоды. Что касается конкретных имен, одним из самых обнадеживающих писателей я назвал бы Виктора Пелевина, его роман «Чапаев и Пустота».

— Несколько слов о Солженицыне.

— Он по-прежнему бородат, борода не седеет, он молодеет, морщины разглаживаются — это какой-то феномен. Он отказался от ордена Андрея Первозванного с бантиками, гирляндами и кистями, который ему преподнес Ельцин к юбилею. Этот отказ — довольно либеральный поступок со стороны Александра Исаевича. Если вы живете в республике, пользуетесь ее льготами, то вы должны ее как-то уважать. Вас охраняет стража республики, а вы плюете в ладонь, протягивающую вам орден. Я всегда безумно его уважал, а этот поступок мне не понравился — вот все, что могу о нем сказать.

Спрашивают о Довлатове.

— Я его очень любил. Никогда не видел его пьяным, в моей памяти он остался большим таким питерским интеллигентом, колоссальным патриотом литературы. Его вне литературы не существует. Для меня нелитература существует, я, например, болельщик баскетбола, это серьезный повод для наблюдений, да? А у Сергея все концентрировалось вокруг литературы, он был рожден писателем. Если бы он прожил еще десять лет, то написал бы шедевр. Он был просто беременен колоссальным рома-

Вирджиния, 1998. С женой Майей

журналы, до сих пор являются как бы вернисажами словесного искусства. И всякий раз, когда я беру в руки ведущий литературный журнал «Знамя»... (это, кстати говоря, бывший такой милитаристский журнал, имелось в виду знамя Красной Армии). А сейчас это ультравангардистский журнал, а называется по-прежнему «Знамя». Я им предложил: вы название оставьте, а в уголке рисуйте череп с костями, как раньше было у пиратов (смеется). В каждом номере «Знамени» — масса интересных материалов. Критика начинает приходить в себя. Она немного очумела после отмены цензуры, все ринулись в постмодернистскую чернуху, в поиск мнимых врагов, во вражду поколений. Сейчас критика стала более основательной, и ты видишь, что приходящие в литературу

ном, двигался к нему, но эта ужасная история прервала движение. Я вспоминаю его с большой теплотой, хотя не многое не понимаю исторического раздевания его имени, которое сейчас происходит в России. Зачем это? Чтобы потом схватиться за голову и спросить: зачем делать из человека то, чем он не был? Он был легкий человек, с колоссальным чувством юмора, а из него сейчас лепят какой-то толсторый, довольно халтурный монумент.

После встречи еще с полчаса Василий Павлович давал автографы ценителям своего таланта, составившим приятную очередь. Мне кажется, это была одна из самых приятных в жизни очередей, каковых эмигранты из бывшего Союза отстояли немало.

Нью-Йорк